

Флюид FreeFly
Русский роман для Европы

А. Сенаторов
О. Логвинов

А С К Е Т С К А Я Р О С С И Я

Хуже не будет!

Олег Логвинов
Артем Сенаторов
Аскетская Россия:
Хуже не будет!

Серия «Аскетская Россия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4898198

*Сенаторов А. Логвинов О. Аскетская Россия. Хуже не будет!: Флюид / FreeFly; Москва; 2012
ISBN 978-5-905720-08-6*

Аннотация

Как под ударами судьбы порядочный и интеллигентный молодой человек становится грубым и беспринципным?

Какой стала бы современная Россия, если бы все проходимцы и аферисты («аскеты») объединились?

Казалось бы, любая структура, насыщенная подобными кадрами, должна пойти ко дну со скоростью свинцового дирижабля. Только не «Аскеты России»! Ведь во главе партии стоит человек-загадка, харизматичный лидер и властолюбивый патриот – Клим Моржовый, узнать которого можно по аскетичному внешнему виду. В любое время года Клим носит коричневое пальто на голое тело и огромную стоящую торчком

зимнюю шапку, которую никогда не снимает. В народе головной убор вождя уже прозвали «климкой».

Читателю будет интересно взглянуть на глубоко продуманную оригинальную вселенную, напоминающую современную Россию альтернативную реальность, в которой, как в осколке разбитого хрустального шара, отражаются все причуды самой большой в мире страны.

Содержание

Предисловие	5
Первая часть	7
Глава I	7
Глава II	17
Глава III	27
Глава IV	42
Глава V	54
Глава VI	65
Глава VII	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Артем Сенаторов, Олег Логвинов Аскетская Россия. Хуже не будет!

Предисловие

«Аскетская Россия» – цикл литературных произведений Артема Сенаторова и Олега Логвинова, задуманный как тетралогия. Действие всех частей разворачивается в единой гротескной вселенной, напоминающей современную Россию. Жанровая принадлежность цикла характеризуется создателями как «юмористическая фантазмагория». Составляющие ее отдельные произведения представляют собой романы-фельетоны или сборники фельетонов, объединенные общей темой «Аскетского феномена» в обществе. Авторы не дают этому понятию точного определения, рассматривая его как сложное психологическое явление, включающее массу производных элементов: манипулирование людьми, умение добиваться своего, находить выход из любой ситуации, отсутствие моральных принципов и т. д. Романы цикла призваны проиллюстрировать это явление на самых разных уров-

нях: от политических и деловых игр в масштабах страны, до покупки пива в соседней палатке. В любых жизненных перипетиях авторы намерено вычленяют «аскетскую» составляющую, решая таким образом проблему успешности и «крутоты» одних на фоне вечных неудач и неустроенности других.

В апреле 2012 года вышел первый роман цикла – «Аскетская Россия: Хуже не будет!», *издательство «Флюид/FreeFly»*. Продолжение запланировано на 2013 год. Все романы цикла будут цельными законченными произведениями, для понимания которых знакомство с предыдущими частями не потребуется. С другой стороны, каждый следующий том тетралогии станет логическим следствием предыдущего. В первом романе авторы раскрывают «Аскетский феномен» через призму политических изменений в стране; ищут «аскетов» среди депутатов, общественных деятелей и журналистов. Пройдя череду «лохотронов», главный герой к своему ужасу осознает, что нахрап, лицемерие и жестокость – основные инструменты достижения благополучия в современном обществе. Как уравновесить это «страшное» открытие с собственной жизненной позицией?

По необъяснимой случайности некоторые описываемые в фэнтезийной аскетской вселенной коллизии совпали с событиями реальной российской действительности. Авторы заранее отрешаются от любой политической ангажированности, тем более оппозиционности, настаивая лишь на своей роли летописцев аскетизма.

Первая часть

Не все коту масленица...

Глава I

Произвол работодателя

Перестаньте гадить!

Официальное обращение партии «Аскеты России» к так называемым звездам российской эстрады

– Будьте любезны, французского сыра с плесенью и бутылочку красного вина на ваше усмотрение, но урожая непременно до семьдесят третьего года, – не глядя в меню, сделал заказ импозантный молодой мужчина лет тридцати пяти. – И ей тоже чего-нибудь принесите. – Он небрежно указал на свою спутницу – симпатичную блондинку в безвкусном синем платье.

Пожилой официант дорогого ресторана молча удалился выполнять заказ, предчувствуя хорошие чаевые.

– Если хотя бы половина того, что я о вас слышала, – правда, вы ужасный человек, месье Гэ́ндон, или можно просто Микки? – Блондинка кокетливо улыбнулась.

На самом деле она плохо знала своего собеседника. Ме-

сье в розовой рубашке, две верхние пуговицы которой были вальяжно расстегнуты, представлял какой-то крупный американский звукозаписывающий лейбл. Популярнейшая российская певица Виктория успела забыть его название, помнила только, что офис располагается в штате Мэн. До встречи с Микки она даже не подозревала о существовании такого штата! Впрочем ей было неведомо наличие еще как минимум тридцати четырех. Не проявив ни малейшего интереса к сказанному, представитель перешел к делу.

– Можно, но времени на светский треп и комплименты у меня нет, я и эти-то полчаса освободил с трудом. Ты же знаешь, я никогда не берусь за дело, если не чувствую коммерческий потенциал затеи.

Глаза женщины заблестели.

– Продолжайте, – прошептала она.

– Я в индустрии пятнадцать лет. Мне доводилось пить Jim Beam с Джеймсом Хетфилдом, играть в бридж с Китом Ричардсом, я подал идею ребятам из Slipknot надеть маски, и это я сначала уговорил Джона Фрусчанте вернуться в Red Hot Chili Peppers, а потом объяснил, что пора оттуда сваливать. Я не из тех, кто случайно примазался к бизнесу и уже пускает пыль в глаза разного рода прощмандовкам («Типа тебя», – мелькнуло в голове у Микки), пользуясь их тотальным невежеством. Но, к сожалению, таких людей в нашем деле большинство. Я хорошо представляю, о чем говорю. Никогда музыкальный бизнес не переживал та-

кого упадка. Налицо серьезный системный кризис. Продажи компакт-дисков катастрофически падают, мэйджор-лейблы несут большие убытки. В основном это связано с развитием интернет-технологий и полной доступностью любого музыкального материала. Теперь не нужно идти в магазин, искать желанный альбом, который уже раскупили или еще не завезли, можно не платить, один клик – и песня у тебя в кармане, то есть в плеере. А плееры в наши времена редко проигрывают диски. И никакая кампания по возврату к винилу или переходу на новые носители не способна изменить ситуацию. Но это лишь верхушка айсберга, очевидная и непосвященным, настоящая проблема лежит в другой плоскости. Понимаешь, в музыкальной культуре давно не возникало настоящих явлений, не просто качественных групп, а гуру и мессий, переворачивающих представления обывателей.

Микки закурил сигариллу и продолжил:

– Современные короли индустрии, небожители и прочие звезды, – последнее слово он произнес с явным отвращением, – запершись в своих особняках, годами записывают альбомы. Они упустили нить понимания с теми, для кого все это делается, то есть с обычными слушателями. «Битлз» были простыми ребятами с соседнего двора, а их музыка доступна – вот ключ к успеху. Большинство же нынешних молодых групп лишь жалкое подобие давно вымерших монстров и динозавров, обитающих теперь в палеонтологических музеях типа Зала славы рок-н-ролла. Оставшиеся влачат убо-

гое существование, представляя пародии на самих себя двадцатилетней давности. Приходится мириться, но современная рок-музыка практически изжила себя, а происходящее в поп-индустрии вызывает рвотный позыв. Так называемые звезды медленно, но верно уходят в историю, потому что не в состоянии удовлетворить потребности слушателей. А молодежь в принципе играть не умеет. И кто виноват, что новое дерьмо королей индустрии *не качает*, как ни они сами?

– Сейчас наступило затишье, но грядет буря. Люди ждут нового мессию. Мы не имеем права упустить такой момент, нужен тонкий расчет. Я уверен, именно исполнитель из России сможет дать просрать взыскательной и пресыщенной западной публике, растормошит шоу-бизнес, перевернет обывательские представления, а главное, реально начнет *прокачивать*. Наша задача – продвинуть его на западный рынок и снять свои дивиденды. Выпьем за успех этой идеи.

Микки сам разлил бордовый напиток по бокалам, выхватив бутылку у опешившего официанта.

– Говорите вы очень красноречиво, – пригубив дорогого вина, заметила Вики.

– Главное правдиво, оперируя только фактами. Я уверен, что именно ты, моя дорогая Виктория, с твоей потрясающей внешностью и выдающимися вокальными данными («И пухлым кошельком») сумеешь пробить незримо висящий железный занавес. Видишь ли, российская популярность, пускай и повсеместная, локальна и ограничена. Да, ты собира-

есть лучшие площадки во всех задрипанных городишках, тебя боготворят толпы поклонников, но неужели бывшие колхозы могут сравниться с крупнейшими мировыми мегаполисами? Тем более что Россия давно превратилась в отстойник для артистов. Вышедшие в тираж на Западе повадились к нам, потому что им некуда деться, поселятся скоро. Принцип «где родился, там и пригодился» – это не про шоу-бизнес. Как ты смотришь на то, чтобы попробовать свои силы в Штатах?

Месье Гэ'ндон работал отменно, равных ему в запудривании мозгов было немного – сказывался большой опыт профессионального афериста. Умело комбинируя поток импровизированного вранья с неприкрытой лестью плюс серьезно подтасовывая факты, он верно разводил клиента на бабки. Прямо использовал неумемное тщеславие деятелей российского шоу-бизнеса и их звездную болезнь, переходящую в физическую зависимость от дешевых комплиментов, грубой лести и купленного за их же деньги внимания. Микки попал в самую точку – стать популярной на Западе, где действительно знают толк в хорошей музыке, а не в совковой Матушке-России было давней мечтой Виктории, да и не только ее. Гастроли известной певицы только что с большим успехом завершились в Калининграде и, чтобы сразу произвести впечатление, Гэ'ндон назначил встречу в одном из лучших ресторанов города. Блестящая речь афериста явно впечатлила Вики – на его вопрос она только лишь кивнула.

– Я знал, что ты в деле, – победоносно изрек Гэ'ндон. – Естественно, мною разработана беспрецедентная схема твоей раскрутки. Запись первого англоязычного альбома будет хорошо подготовлена, обычной ротацией на радио мы не ограничимся. Начнем с сингла – ты споешь с популярным американским исполнителем, с ним я договарюсь. Конечно, звезде такой величины потребуется гонорар. Затем последует атака на все средства массовой информации: твое появление в топовом утреннем шоу, эпатажная съемка для обложки модного журнала, что-нибудь типа «в обнимку с русским медведем», запуск международного сайта, съемки высокобюджетного клипа. И наконец, кульминация – дебютный альбом сметается с прилавков музыкальных магазинов. Такого успеха в Штатах не имели ни The Doors, ни The Guns'n'roses. При хорошем раскладе мы сумеем побить рекорд The Beatles по количеству проданных в первый уик-энд альбомов. Разумеется, потребуются серьезные вложения с твоей стороны, дело дорогостоящее. Начнем с пятидесяти тысяч.

Последняя фраза заметно покорибила Викторию:

– Пятьдесят тысяч долларов? При всем уважении к вашему опыту раскрутки я все же не уверена, стоит ли так спешить, речь идет о весомых деньгах.

– А ты хотела сразу в дамки? Сегодняшний рынок диктует свои условия, не принимаешь их – ты в ауте. Задарма, дорогуша, звездой даже у нас не станешь, не то что на Западе! Да, и это только чтобы сдвинуть машину с места, запустить про-

цесс, так сказать. Потом потребуются заметно большие вливания. Но с помощью моих связей и опыта тебя ждет нечеловеческий успех! Ты раз и навсегда утрешь нос своим российским коллегам, этим дерьмачам и прочей шушере – им ничего подобного не снилось.

Певица пребывала в замешательстве, хотя последний аргумент явно перевешивал: с одной стороны, здесь и сейчас требуют серьезную сумму, а с другой... С другой – рукоплескания миллионов по всему миру, концерты на переполненных стадионах, дебютный альбом производит фурор, какого не было со времен The Doors. И все это за скромную сумму в пятьдесят тысяч! Виктория, правда, не очень представляла, кто такие эти The Doors. Ее уносило все дальше в мир собственных грез, где происходили совсем уж невероятные вещи. В первый день выхода ее альбома в Нью-Йорке обезумевшая толпа смела с прилавков музыкальных магазинов весь тираж и с флагами СССР, портретами генсеков КПСС и транспарантами «We want you Vicky» полезла на статую Свободы. Только личное вмешательство певицы позволило избежать жертв. Одному Богу известно, что происходило бы дальше, если бы не внезапный звук гимна Советского Союза (пardon, России), который вывел певицу из протрации. Микки быстро достал мобильный, так как этот рингтон означал, что звонили из аппарата новоиспеченной партии «Аскеты России». Липовый музыкальный воротила состоял в ней с недавнего времени.

– Ну что там? – с небольшим американским акцентом спросил взволнованный голос на другом конце виртуального провода. – Судебные приставы скоро начнут описывать имущество, нас выселяют! Если в ближайшее время не переведем пятьдесят тысяч, нам конец! Клим Елисеевич расстроен. Вся надежда на тебя, *you got the money?*

– Все в порядке, перезвоню через полчаса, – спокойно ответил Микки.

– Беспокоят из Лос-Анджелеса, спрашивают, подыскал ли я что-нибудь для рождественского сборника. И что прикажешь им ответить? Что русские звезды боятся собственной популярности? Что из-за смешной суммы начинаются масштабные разборательства?

– Я просто не хотела начинать такое дело без основательной подготовки, – пыталась защититься Виктория.

– Это несерьезно. Нет средств – нет популярности, вот основной закон нашего времени. Ты же понимаешь, будь ты хоть трижды талантлива, без раскрутки западный зритель тебя не полюбит. А она стоит денег. В конце концов, я могу позвонить более молодым исполнителям. Влад Брендигигом прибежит с чековой книжкой. Не заставляй меня идти на это, я хочу, чтобы американцы под Новый год слушали качественную музыку.

– Ну что ж, раз дело мы затеваем серьезное, затраты должны быть немалыми.

– Я рад, что ты начинаешь меня понимать, – улыбнулся

Микки. – Деньги нужно перевести на этот счет не позднее сегодняшнего вечера. – Он протянул ей засаленную бумажку. – Я мог бы предложить тебе связаться с моим бухгалтером, но начнется волокита, а любое промедление сейчас смерти подобно.

– Но это большая сумма, я могу не успеть, – забеспокоилась певица.

– Вики, ловить надо пока клюет! Через два часа мой самолет в Лос-Анджелес, завтра же я могу начать переговоры о твоём продвижении. Но лететь туда с пустыми руками будет опрометчиво. Впрочем, если ты все еще в чем-то сомневаешься или намерена отказаться...

– Нет-нет! Деньги будут на вашем счету!

– С тобой приятно работать, – Микки протянул подошедшему официанту пятисотдолларовую купюру. – Сдачи не надо, – обрадовал он пожилого служителя культа чревоугодия, который не сообразил, что подобные купюры вышли из обращения много лет назад.

– Пора лететь, сожалею, что не могу уделить больше времени такой сногшибательной женщине, – Гэ'ндон поцеловал Виктории руку. – К концу недели будь готова к вылету в США для серьезной работы.

– Конечно! Было очень приятно встретиться с вами, буду ждать звонка. Вас подбросить в аэропорт? Я с водителем.

– Нет, немного прогуляюсь перед вылетом, все-таки давно не был на Родине.

– До встречи!

Дождавшись отъезда шикарного лимузина популярной певицы, представитель западного лейбла сделал вещь, никак не вязавшуюся с его статусом. За сто пятьдесят рублей поймал синюю шестерку с водителем восточной внешности и отправился в сторону калининградского железнодорожного вокзала. В машине Микки набрал последний номер в памяти мобильного.

– Алле, Джонни, все тип-топ. Лахудру раскрутили, сегодня деньги будут на счету. Возможно, получится надоить еще, корова жирная.

– *God bless you man*, выезжай в Москву, отпразднуем. У тебя деньги на дорогу остались?

– На купейный вагон наскребу.

Глава II

Аскетизм против гламура

*Клим Моржовый доведет страну!
Предвыборный лозунг партии «Аскеты России»*

Одиннадцатый купейный вагон поезда «Калининград – Москва» мало отличался от остальных купейных вагонов, курсирующих по нашей необъятной Родине. На свете нет силы, способной переменить сложившийся с советских времен, вялотекущий, патриархальный уклад с неизменной курицей в фольге, постельным бельем, неоткрывающимися окнами и проводницами, норовящими закрыть туалет, в который и так не попасть. Симпатичный мужчина в розовой рубашке не занимал себя подобными размышлениями, а просто старался привлечь к своей персоне меньше внимания. С кошельком и мобильным в качестве поклажи он походил то ли на разорившегося коммивояжера, то ли на преуспевающего сутенера. Однако бывалая проводница одиннадцатого вагона, большегрудая Даздраперма Степановна, отметила в новом пассажире состоятельного человека. Об этом, по ее мнению, свидетельствовали дорогие часы на его левой руке. Для определения марки механизма бывалой проводнице явно недоставало опыта – не часто в ее вагоне околачивались люди с часами Cartier, тем более так хорошо подделанными.

– Наверное, с серьезных заработков домой в Москву, ммм... Микки Гг...Гэ'ндон? – запинаясь, пробубнила Даздраперма, недоуменно вглядываясь в предъявленный паспорт. – Какое необычное имя! – свое она как-то подзабыла. – Четырнадцатое купе, если что понадобится, сразу ко мне обращайтесь!

Проводница лично собиралась конвоировать состоятельного пассажира прямо до купе, видимо опасаясь, как бы он не испарился по дороге.

– Да, домой еду, очень устал и просил бы по возможности не беспокоить, – Микки попытался отделаться от чересчур сердобольной проводницы, взглядом давая понять, что провозить его нет необходимости.

– Белье бесплатно... От организации, – заговорщицки шепнула Даздраперма.

К своему неудовольствию в четырнадцатом купе Микки обнаружил странного дистрофического субъекта в очках явно творческой профессии. Подобных деятелей он всегда узнавал за версту. «Будем надеяться, хотя бы не музыкант, а то не сдержусь ведь». Но специальная сумка с фотографическими принадлежностями быстро выдала попутчика. «Фотограф, значит. Хорошо хоть вдвоем поедем».

– Наверняка, кто-нибудь завтра в Смоленске подсядет, – прочитал мысли Гэ'ндона фотограф, пафосно протянув визитную карточку.

«Всех бы вас, только срок дайте», – выругался про се-

бя Микки. На визитке мелким шрифтом было напечатано: «Виктор Журавлев – широко известный в узких кругах фотохудожник-пейзажист, член Союза фотографов Забайкалья». Ниже – адрес блога в Интернете. «Еще и блогер, прости Господи».

– Микки Гэ’ндон, профессиональный автогонщик. В Москву с соревнований.

Микки практически не соврал, в своей прежней профессии он опустил всего одну букву. Еще до знакомства с таинственным и харизматичным лидером партии «Аскеты России» Климом Моржовым Гэ’ндон действительно профессионально (то есть за деньги) занимался автоугоном.

На дворе стоял конец мая, деньки выдались жаркие, окна, как и положено, не открывались. Поезд тронулся, Виктор сразу же принялся разворачивать фольгу с вышеупомянутой курицей и другими многочисленными припасами. На небольшом столике быстро появились свежие огурцы, помидоры, вареные яйца, пирожки.

– Пока не испортились, угощайтесь, Микки, – вежливо предложил он.

«А не так уж плох наш фотограф. Хозяйственный, хотя бы голодать не будем», – обрадовался Гэ’ндон. Денег у него оставалось разве что на мороженое.

– А вы в Калининграде фотосъемкой занимались? – также из вежливости поинтересовался он, пытаясь завязать разговор.

– Да, там прекрасная архитектура, приближенная к европейской, делал снимки для нового арт-проекта... Сейчас, знаете ли, все кому не лень фотографией занимаются, купил навороченную зеркалку и уже фотограф, то есть творческий человек, – неожиданно выдал Виктор. – Модно теперь стало под прикрытием каких-то эфемерных целей выдавать произведения явно сомнительной художественной ценности. Трудно мало-мальского избегать и сливки с этого собирать – вот к чему все стремятся! А честно работать учителем, врачом, инженером – увольте, не для нас это. Страну оккупировали посредственности: крутые дизайнеры, фотографы, писатели, актеры с музыкантами. Им лишь бы ничего не делать! Они идут по пути наименьшего сопротивления – в творческие профессии. Это бесталанное, прошу прощения, ебанье занимается псевдотворчеством, заполняя и без того забитое интеллектуальное пространство новым шлаком, а критиковать их не смей, потому как устарел ты и в современном искусстве не смыслишь. Этим твердолобым дилетантам не понять, что творчество – это каждодневный труд, постоянный поиск и самосовершенствование. Фотография, например, многих прельщает простотой процесса: нажал на кнопку – и готово, даже учиться не надо. Цифровые технологии сделали ее уж слишком доступной для масс. Но это обманчивая простота. Посмотрит очередной бездарь на блестящие работы Картье-Брессона: «О, и я так смогу». И это еще в лучшем случае, а в худшем – наткнется на фотки глянцевого журнала

и уверится, что ни трудиться, ни учиться для занятий творчеством не нужно ...

Микки прослушал эту тираду с открытым ртом, всюду уплетая предложенную снедь, только изредка кивая головой, выражая полную солидарность. «А не прав я был, – думал он, – фотограф наш человек, его хоть сейчас в партию бери».

– Я немного далек от этого мира, но с вами согласен.

– Спасибо, Микки, наболело просто. Творческий процесс в фотографии очень сложен, необходим огромный талант, чтобы действительно серьезно этим заниматься. Слишком много нюансов: фактура материала, игра света и тени, подбор композиции. Хотя некоторые фотографы об этом вообще не задумываются, а стараются поймать единственный кадр, в котором сосредоточены вся форма и содержание момента. Но это высший пилотаж, такое под силу только мастерам старой школы, многие из них не признают цифровые технологии. Я тоже в основном на пленку снимаю. В цифровой фотографии нет души, а пленка живая как будто, со своим характером. Процесс проявки и работы с химическими реактивами – отдельный творческий ритуал, в котором тайна фотографии.

– Цифровая фотография – это онанизм, – поддакнул Микки, – *не качает*.

– Вы тоже так думаете? – обрадовался Виктор.

В купе заглянула Даздраперма Степановна.

– Газеты брать будете? Или, может, чайку? – предложила

заботливая проводница, как-то уж очень внимательно разглядывая профессионального автогонщика с поддельными дорогими часами и широко известного в узких кругах фотографа.

Гэ'ндону хорошо был знаком подобный взгляд – с таким же в свое время он выискивал лохов для развода. Но сейчас не придал этому значения, потеряв бдительность после хорошо выполненного задания.

– Спасибо, ничего не нужно, – спокойно ответил Виктор. Проводница удалилась с чувством выполненного долга.

– А где можно посмотреть ваши работы? – поинтересовался Микки, хотя ему это было до лампочки.

– У меня..., – немного замялся фотограф. – То есть в Интернете, в моем блоге.

«Понятно, – улыбнулся про себя Микки, – то ли известность не так широка, то ли круги слишком узкие. А чтобы рассуждать о большом искусстве и собственном таланте, ума много не надо». На этом светская беседа случайных попутчиков, больше напоминавшая монолог, полностью себя исчерпала.

Если не предаваться распитию спиртных напитков, время в железнодорожных поездках течет вяло. Поскольку ни у Микки, ни у производившего впечатление непьющего Виктора подобного желания не возникало, решено было укладываться. Да и дело было к вечеру. Сон – лучшее средство после распития, чтобы скоротать время в поезде, но перед

тем как окончательно отправиться на боковую, Микки решил прибегнуть ко второму такому средству. Он извлек из заднего кармана несколько сложенных вчетверо листов А4 и принялся внимательно их изучать. По его сосредоточенному виду можно было догадаться, что он углубился не в беллетристику, которую обычно читают в поездах, а в нечто гораздо более серьезное. На титульном листе крупными буквами было напечатано: «*Аскетизм против гламура*», ниже подпись – «*Клим*». Столь изящно и лаконично подписывался генеральный секретарь политического бюро партии «Аскеты России» Клим Моржовый, противоречивая фигура которого обросла огромным количеством слухов и домыслов. Об этом неординарном человеке известно было немного. Необычный и очень аскетичный вид Моржового поражал всех. В любое время года лидер партии одевался в коричневую дубленку на голое тело и огромную черную стоящую торчком шапку. В народе ее уже успели окрестить «климкой». Поговаривают, даже школьные товарищи не видели его без головного убора. Прошлое Моржового было полностью скрыто, а достоверная информация о настоящем исчерпывалась тем, что Клим ничем не занимается, кроме того что руководит партией, постоянно думает о России и пишет многотомное собрание своих трудов. Все члены партии в обязательном порядке должны были знакомиться с новыми работами вождя.

... *Корни философской доктрины гламура уходят во времена древнейших цивилизаций, когда зародился ее основной*

постулат: мертвая красота с отсутствующим интеллектом идеально обслуживает интересы правящего класса. Но формирование этой доктрины в цельную философскую систему произошло в начале прошлого века. Тогда появились первые адепты новой идеологии, вспомним, например, накокашненных гламурных шлюх со своими кавалерами-мафиози в Северной Америке времен сухого закона.

К сожалению, этой заразе удалось прижиться и в нашей стране, где она приобрела местный «совковый» колорит. «Официальная Россия» сделала все возможное, чтобы превратить гламур в государственную идеологию. Такая идеология выгодна правящей элите, так как при действующем чиновничьем капитализме и воровской демократии по понятиям она позволяет держать народ в повиновении, предложив ему ложные ценности и заставив поклоняться золотому тельцу. Основной добродетелью эта «новорусская» доктрина считает выпячивание на публику собственной праздности, роскоши и сверхдоходов, а во главу угла ставит пресловутый успех, неизвестно какой ценой заработанный. Представителей нового поколения, воспитанных в государстве, где все поставлено с ног на голову, можно наблюдать уже сейчас. В мыслях молодых девушек нет ничего, кроме названий модных брендов и уверенности, что будущий муж, непременно чиновник или олигарх, (а только эти категории населения способны приблизиться к гламуру) обязан их полностью обеспечивать. Мальчишки в прежние

времена мечтали стать космонавтами, передовиками производства или хоккеистами, но не для того чтобы зарабатывать миллионы за океаном, а чтобы защищать честь своей Родины на международной арене. Теперь и они вынуждены идти в чиновники или олигархи. Остальные, не разделяющие этой уже официальной идеологии, объявлены людьми второго сорта, если не сказать больше...

Единственным и, как нам представляется, гораздо более древним течением, открыто противостоящим гламуру на протяжении всей истории, является аскетизм. Только аскеты находили в себе мужество служить истинным, а не бутафорским ценностям, не боясь жертвовать собой, если это необходимо. Лишь немногие не согласные с политикой «Официальной России» пытаются хоть как-то противостоять тотальной гламуризации и дебилизации населения. Что же они готовы предложить в качестве национальной идеи? Ответ прост, как и все гениальное, – необходимо вернуться к корням. Государственной идеологией должен стать аскетизм – аскетизм, проповедуемый во всем ...

Слова Клима лились как музыка, постепенно вгоняя Микки в состояние, близкое к трансу. Он в который раз восхищался масштабом личности вождя и свойственным только Моржовому глубоким проникновением в природу вещей. Под эту музыку, смешавшуюся с монотонным стуком колес, состоятельный пассажир четырнадцатого купе без гроша в кармане заснул.

Во сне он еще раз успел побывать за границей: покинув Литву, поезд направился в Белоруссию. Ночью была длительная остановка в Минске, ознаменовавшаяся дружным храпом пассажиров, который как нельзя лучше характеризовал отношения между нашими братскими государствами. А уже через несколько часов, рано утром, Микки вновь очутился на Родине.

Во время десятиминутной стоянки в Смоленске в одиннадцатый вагон сели несколько человек, среди которых выделялся колоритный пассажир в костюме, с саквояжем. Мужчина лет пятидесяти, как две капли воды похожий на вождя мирового пролетариата, заглянул в каморку к проводнице, плотно закрыв за собой дверь. Его, естественно, ожидали.

– Доброе утро, Владимир Ильич, крупная рыба плывет, смотрите, как бы не ушла!

– У нас сети крепкие, советских времен еще, не рвутся. Что за рыба, где обитает?

– Да два лоха в четырнадцатом едут, оба москвичи. Один зажиточный, часы дорожные, одет модно, видно с хороших заработков. Второй – дрищ какой-то, фотограф, кажется, но тоже со средствами. Развестись должны в легкую.

– Куда ж денутся, миленькие! Ваша доля как всегда, если по дороге ментяра сунется, отправьте его ко мне, я договорюсь.

Глава III

Дело мастера боится

Совсем не качает...

*Микки Гэ'ндон о втором Бранденбургском концерте
Иоганна Себастьяна Баха*

«Пропили Россию, либерасты поганые», – таким серьезным заявлением пробуждение Микки Гэ'ндона не ознаменовывалось давно. Быстро приняв сидячее положение, он обнаружил в купе нового пассажира, сильно напоминающего вождя мирового пролетариата. Удивительным было другое – на столике рядом с остатками припасов возникла бутылка коньяка, четверть которой уже отсутствовала. «Крепко же я спал», – пронеслось в голове у Гэ'ндона.

– Присоединяйтесь, – сразу предложил фотограф, хотя коньяк был не его.

– А что Смоленск проехали уже? – Микки без вопросов принял стопку.

– Да, где-то полчаса назад. Владимир Ильич, – представился собутыльник Виктора, протягивая руку.

– Неужели Ленин? – сострил Гэ'ндон, принимая рукопожатие.

– Да нет, почему же... Членин, Владимир Ильич Членин, тоже в Москву еду. Мы тут решили времени не терять, –

улыбнулся он, погладив коньячок.

Нутром почувствовав необычность происходящего, Мики не стал сопротивляться, хотя с утра пить не любил. Родственные нотки в новом попутчике отчетливо улавливались. Разговор принимал интересный оборот, речь держал Владимир Ильич.

– Времена сейчас непростые, трудовому человеку прокормиться все тяжелее. Бюрократы, спекулянты, ворье прочее страной заправляют теперь, все развалили. Вот я раньше у себя в родном Смоленске в Доме пионеров кружок изобразительных искусств вел. Помню, все для детей было: и хорошей кружок, и шахматный, и радиолюбителей. Каждому находилось занятие по интересам, и чувствовали себя все частью чего-то большого, понимали, что государство о них заботится. Но с приходом демократии кружок наш, как и весь Дом пионеров, приказал долго жить.

– Демократия вообще *не качает!* – вставил Гэ'ндон.

– Вот и я говорю – *фуфло полное*. Какие-то умельцы через связи с местной администрацией быстро наш дом приватизировали и открыли элитный ночной клуб для крутых со стриптизом и кокаином за счет заведения. А нас с ребяташками на улицу выставили. Теперь кто шляется, кто ширяется. Хотя кружки для молодежи, конечно, и сейчас есть, да только стоит такое удовольствие столько, что подумаешь еще трижды, куда идти – в кружок этот или в магазин за водкой. А раньше все бесплатно было! И везде бардак, понимаете?

Был у нас приют для сирот и специальный центр помощи малоимущим. Так в начале девяностых всех сирот разогнали, малоимущим показали официальный государственный кукиш с гербовой печатью, а на месте приюта теперь писательские дачи.

– Тоже со стриптизом? – наивно спросил Виктор.

– Нет, только с кокаином, – серьезно ответил Ильич, – это их орудие производства. Опять же распорядились местные чиновники, львиная доля которых оказалась людьми пишущими, так вот каждому – по даче. Ну и кто они после этого?

– Сволочи, жиреют на добре народном! – в сердцах вырвалось у Виктора, который не забыл обновить опустевшие стопки.

– За советский спорт! – неожиданно предложил Членин.

– За советский спорт! – поддержали собеседники.

Пили все трое в разной манере. Виктор не умел употреблять крепкие напитки, поэтому сначала вливал в себя сок, затем большими глотками коньяк, после чего ему опять требовалась заправка. Владимир Ильич пил одним глотком, не запивая и не закусывая. Микки всегда выпивал последним, смягчая вкус алкоголя соком и припасенной Ильичом шоколадкой.

– А мне, что делать, пришлось приспособливаться к новым условиям, уроки рисования в школе упразднили, вместо них дети то ли тайм-менеджмент изучают, то ли майнд-билдинг. Только и спасло меня сходство с Лениным – взяли

в новый ночной клуб швейцаром. Платили, правда, мало и за человека не держали вообще. Тогда-то и решил я своим бизнесом заняться, подрабатываю Ильичем в Калининграде, Минске и Вильнюсе – за границей спрос больше, хотя одна страна была. Иногда в Москву наведываюсь, но там все места схвачены, с улицы не сунешься.

Заливал Владимир Ильич под статью Микки Гэ'ндону: и про Дом пионеров, и про нынешнюю свою деятельность. В доме этом он никогда не работал, а основное его занятие на протяжении последних двадцати лет с честным трудом имело мало общего. Но чем дольше общались с ним соседи по купе, тем больше проникались к нему какой-то симпатией и даже уважением.

– Коньяк закончился, – констатировал разливавший Виктор, – а вроде только начали.

– Да, как-то мало я взял. Не ожидал, что такое живое общение у нас пойдет, но ничего, через час остановка в Вязьме, там у бабули проверенной еще возьмем, – успокоил собутыльников Ильич. – А может, чтобы время скоротать, банчик небольшой соорудим?

– В смысле? – не понял уже сильно поддатый фотограф.

– Ну, в смысле по маленькой в картишки перекинемся, до Вязьмы пару партеечек, колода есть.

– На деньги не играю!

– Так я и не предлагаю на деньги играть, – обиделся Ильич. – На бутылку! Проигравший покупает коньяк, чтоб

не скучно было.

– А, ну это можно, – примирительно согласился Виктор.

– Сыграем, почему нет? – поддержал Гэ'ндон, который хоть и выпил, но начал догадываться, что их новый попутчик такой же преподаватель изокружка, как он сам – представитель крупного американского лейбла.

Для начала решили сыграть в очко – простую карточную игру, не требующую особых навыков, в которой все решает везение. Так считает большинство любителей, в этом их основное заблуждение. Банковал, то есть раздавал соперникам карты, Владимир Ильич. Через несколько минут стало ясно, что тасовать он не умеет, раздает неуклюже и не везет ему до крайности – то все время недобирает, то помногу перебирает. Ильич этого и не скрывал, сетовал, что игрок никудышный, да и фортуна стороной его обходит. У Виктора же на удивление игра спорилась, практически всегда получалось очко. Удивлялся в первую очередь он сам – последний раз брался за карты лет пять назад, а особыми способностями или везением никогда не отличался. Не новичок в азартных играх, Гэ'ндон играл хуже фотографа, но все же несравнимо лучше Членина. После того как вождь мирового пролетариата проиграл бутылку, решили не останавливаться и сыграть по рублю, потом по десять. Азарт, хорошо подогреваемый шутками коммуникабельного Ильича и алкоголем, так и пер. Незаметно для самого себя обыграв своих визави на полторы тысячи рублей, Виктор начал испытывать угрызения со-

вести – все-таки лишил средств наивного пенсионера с такой сложной судьбой.

Микки при этом остался почти без денег, но виду не подавал. В отличие от недалекого в подобных вопросах фотографа он не сомневался, что их новый попутчик – первоклассный катала старой школы. Таких в стране немного. По прежней своей деятельности Микки был знаком со спецификой их работы. Каталы – это карточные шулеры, которые нечестным путем обыгрывают ничего не подозревающих граждан (фраеров или клиентов), используя их доверчивость или страсть к игре. В криминальном мире каталы находятся на особом, можно сказать, привилегированном положении. Это связано с тем, что, во-первых, обучиться шулерским приемам способен далеко не каждый, а, во-вторых, напрямую с этим миром профессиональные игроки могут и не взаимодействовать. Кроме того, если профессионал не использует крапленых карт или дополнительных технических приспособлений, а полагается только на ловкость рук, уличить его в нечестной игре почти невозможно.

Многие думают, что основным умением настоящего катала является исполнение большого количества карточных трюков. Это не совсем так. Конечно, мастера знакомы со всем арсеналом шулерских приемов, чтобы не дать применить их против себя, но обходятся, как правило, одним-двумя проверенными фокусами. Потому что обыграть простачка, готового расстаться с деньгами, – дело техники. Найти

его гораздо сложнее. Важно тонкое чувство психологии фрэера и умение превращать любую жизненную ситуацию в игру. Профессионал должен быть готов к ней везде – на пляже, в такси, в парке, в аэропорту, в гостинице, в очереди за молоком. Многие каталы работают в поездах с сообщниками. Вспоминая необычное внимание проводницы, Гэ'ндон догадался, что она наводчица Ильича и, наверняка, с ним в доле. Также шулерам необходима подходящая легенда-прикрытие, дабы избежать подозрений и не быть вычисленными. Владимир Ильич обладал блестящей легендой, какой мало кто мог похвастаться.

Последние полчаса Микки не сводил глаз с попутчика, беззаботно играя и бурно реагируя на его шутки. Имея некоторое представление о технике исполнения карточных трюков, он быстро убедился, что за неуклюжими движениями Членин скрывает феноменальную технику тасовки и сдачи. Лихо исполняет вольты двух видов – прием, при котором часть колоды, которая должна была бы пойти вниз после снятия, вновь оказывается сверху, то есть на первоначальном месте. Сдает вторые и даже третьи – соперники получают не верхнюю карту, а следующую за ней. Использует несколько алгоритмов фальшивой тасовки, после применения которых колода всегда располагается в нужном ему порядке. Возможно, демонстрирует какие-то другие приемы. В общем, работает как опытный катала, полагаясь только на ловкость рук, полностью контролирует игру, сдавая Виктору очко, а себе –

то недобор, то перебор. Фотограф при этом пребывал в полной уверенности, что столкнулся с карточным профаном, а ему самому несказанно везет.

Дальнейший сценарий был Микки хорошо известен. Только после того, как он развел глупую певичку на пятьдесят тысяч долларов, ему совершенно не хотелось самому оказаться разведенным. Гэ'ндон задумался, как вести себя в сложившейся ситуации. Разумно было бы уличить Ильича в шулерстве и от дальнейшей игры отказаться. Но Микки не был бы настоящим аскетом, если пошел бы по такому простому пути. Как и Членин, он знал главное: из любой жизненной ситуации надо извлекать выгоду. Но ровно в тот момент, когда в его голове созрел, наконец, определенный план, дверь купе без стука бесцеремонно распахнули.

– Старший лейтенант Жбанов, проверка документов! – огорошил всех вошедший.

Что делают сотрудники нашей доблестной милиции в поездах, остается загадкой. Удивительно, но при встрече с органами охраны правопорядка многие законопослушные граждане начинают испытывать необъяснимый дискомфорт и чего-то побаиваться. Наверное, потому что превратить невинного в виноватого в нашей стране гораздо проще, чем наоборот. При появлении старшего лейтенанта с малоинтеллигентным лицом Виктор сразу пришел в замешательство, ему стало мерещиться, что его сейчас привлекут то ли за пьянство, то ли за азартные игры. А аферистов подобные

встречи почему-то не пугают. Хотя на всякий случай Микки начал продумывать возможные варианты к отступлению – он находился в розыске за мошенничество под другим именем и проверка документов в его планы не входила. Тем более что Ильич мог оказаться не просто шулером, но еще и кидалой. Поведение Членина свидетельствовало об обратном.

– Здравствуйте, Сергей Владимирович, в проверке нет нужды, тут люди все честные, не желаете ли лучше к игре присоединиться?

Со стороны могло показаться, что Ильич ведет себя с представителем закона слишком нагло и самонадеянно, но старший лейтенант отреагировал неожиданно – снял фуражку, сел рядом с Микки и ответил: «Сдавайте». Поясним. Конечно, посланник властей был прекрасно осведомлен о деятельности двойника вождя мирового пролетариата, но солидный откат позволял Ильичу не беспокоиться – надежную крышу он получал. И не только. Власть и сама была неравнодушна к азартным играм, втайне мечтая обыграть Членина. К тому же у нее всегда водились денежки, все-таки служение государству в нашей стране – дело прибыльное, если поставить его на нужные рельсы. Такие клиенты, как Сергей, считаются самыми лакомыми, их называют жертвами. Несмотря на постоянные фиаско, жертвы получают удовольствие от самого процесса игры, всегда расплачиваются и обещают завязать, продолжая расставаться с деньгами дальше.

Играть решили в дурака. И каким-то непостижимым для

Виктора, но совершенно очевидным для остальных образом уже через двадцать минут на кону оказались поставленными все его деньги (пять тысяч рублей) и фотоаппарат. Сергей положил против этого свою выручку за неделю – около пятидесяти тысяч деревянных. Примерно такая же сумма откуда-то взялась в саквояже добрячка Членина. Гэ'ндон играл в долг, подкрепив свое слово дорогостоящими часами. Регламент предполагал три партии на вылет, то есть оставшийся в дураках из борьбы выбывал. Пьяный Виктор находился в мало вменяемом состоянии. Сергей сосредоточенно думал, как всегда уверенный, что не проиграет. Ну, а Микки понял, что пора действовать, так как выводить Ильича на чистую воду уже нет смысла – с ментом у них, очевидно, договор, а ставки поднялись настолько, что партийная касса могла бы существенно пополниться.

Каково же было удивление Членина, когда в первой партии он четко зафиксировал «маяк» от пассажира в розовой рубашке: «Я свой, работаю под прикрытием, клиенты мои». Мало кто знает, но у профессиональных шулеров в ходу определенная система сигналов, понятных только своим. Если за столом оказываются работающие под разными легендами, незнакомые игроки, сигнал служит опознавательным знаком и сообщает, что коллегу трогать нельзя. Игроки объединяются, а выигрыш делится поровну. Для проверки Владимир Ильич сначала никак не отреагировал, но еще через полминуты получил два таких же настойчивых «маяка».

Знать их мог только собрат по цеху или человек, которому каким-то образом стала известна эта азбука. В первом случае профессиональная этика требовала поделиться с коллегой, но потом все-таки объяснить, что вести себя подобным образом на чужой вотчине некрасиво. «Скорее всего, – размышлял Владимир Ильич, – имеет место второй случай, и Микки не игрок, а серьезный аферист, имеющий отношение к криминальному миру. Ссориться с таким человеком недалеко, в лучшем случае поднимется ненужный шум, а в худшем – можно нажать серьезного врага. Гораздо выгодней поделиться и завести полезное знакомство». Дав ответный сигнал, Членин продолжил игру, гадая, кто же этот человек в розовой рубашке.

Дальше все пошло по накатанной схеме. В первой партии Членин с Гэ'ндоном в легкую вынесли фотографа. Оставшись в дураках, Виктор продолжал пялиться в карты, плохо воспринимая происходящее. Совместными усилиями творческого человека удалось водрузить на верхнюю полку, правда, уже без фотоаппарата и денег. Во второй партии опять же после определенного «маяка» был обыгран Гэ'ндон. В сердцах стукнув кулаком по столу, он быстро вышел из купе, дав понять Ильичу, что ждет его в тамбуре для разговора. В очередной раз объегорить мента не вызывало трудностей, и через несколько минут вопрос о победителе был решен. Сергей, красный как рак, проиграв нажитую несправедливым трудом получку, вывалился из четырнадцатого купе, бормоча:

«Не может быть, как же так, невозможно...».

А Владимир Ильич, спокойно сложив в саквояж часы, деньги и фотоаппарат, все с тем же видом простачка-пенсионера направился в тамбур.

– У меня к вам деловое предложение, не хотели бы вы, так сказать, расширить свой бизнес? – с места в карьер начал разговор Микки. – Понимаете, нам как никогда нужны такие люди.

– Кому это нам? – настороженно осведомился Ильич, протягивая Гэ'ндону часы и часть денег. – И что делать-то надо?

– Я представляю серьезную политическую силу, которая в скором времени полностью изменит к лучшему жизнь нашей многострадальной Родины, – Гэ'ндон принял часы, но деньги вернул, оставив себе только пару тысяч.

Членин недоуменно принял выигрыш обратно и приготовился слушать, хотя ему давно стало понятно, что дело он имеет не с очередным лохом и даже не с собратом по цеху. А с птицей куда более высокого полета.

– Видно, что вы придерживаетесь таких же взглядов на ситуацию в стране, как и наш лидер, Клим Елисеевич Моржовый. Познакомиться с ним вы сможете через пару дней. Долго расписывать нашу политику не буду, да и не получится, лучше пробегите пока глазами вот это.

Гэ'ндон достал статью, которую вчера читал перед сном. На титульном листе он быстро чиркнул номер своего мобильного. Членин внимательно принялся изучать получен-

ное.

– Это часть политической программы и философских взглядов господина Моржового – председателя партии «Аскеты России». Предлагаю вам вступить в наши ряды, причем я сразу предложу Климу Елисеевичу утвердить вашу кандидатуру на место в ее политическом бюро. Вы будете пользоваться всеми привилегиями аскета (Владимир Ильич навострил уши). Но об этом позже, – улыбнулся Микки. – От вас потребуется переводить треть игровых доходов в партийную казну. В случае прихода к власти мы отдадим под ваше начало игорный бизнес и сектор культуры, если пожелаете. Сможете размахнуться!

Предложение поступило солидное, но это было не главное. Прочитанное глубоко запало в душу Владимира Ильича, каждое слово Клима отзывалось в его сердце ударом молота. Таково было обычное воздействие на людей главного аскета страны. Членин только и мечтал поскорее познакомиться с этим удивительным человеком. «Какая удача, – думал он, – рядовая «работа» в поезде обернулась встречей с единомышленниками, предлагающими выгодные условия сотрудничества».

– Здесь все – правда, потрясающе точно сказано, – констатировал Ильич. – Можно взять с собой?

– Статья ваша.

– Я и сам понимаю, что зарабатываю копейки дедовскими способами. Игровой бизнес давно переместился в виртуаль-

ное пространство, а каталы вроде меня доживают свой век. Но я не стою на месте, осваиваю интернет-технологии, ведь там миллионы долларов, а здесь тысячи рублей. Моя мечта – раскрутить в рунете полноценный покер-рум и провести несколько мировых турниров. Вот где развернемся!

– Ну что ж, Владимир Ильич, я в вас не ошибся. Кажется, Вязьма.

– Я выскочу здесь, чтобы не рисковать, до встречи в Москве!

– Звоните, уже сегодня я доложу о вас Климу!

Глядя вслед выпрыгивающему из вагона Членину, Гэ'ндон не сомневался – на одного аскета в некогда великой стране стало больше.

Клим Елисеевич Моржовый

Глава IV

Путаными дорогами судьбы

Аскет всегда работает на совесть, правда, не на свою.

Генри Маслоу, автор программы «КОСЕ – в каждый дом»

У читателя, наверное, возник справедливый вопрос, неужели авторы и дальше намерены описывать жизнь профессиональных аферистов? Получается, из-под их электронного пера вышел очередной забубенный криминал-роман. Кто же его главный герой? Какой-нибудь вымогатель или кидала? Золотой мальчик, модный ди-джей или супермачо-соблазнитель, у которого отбоя нет от женщин? Гламурная дочка богатых родителей, сексапильный частный сыщик или офисный работник на Кайене в кредит? Об этих персонажах нового времени говорят, им сопереживают, ими стремятся стать. Возможно, кого-то мы успокоим, а кого-то, наоборот, разочаруем. Наш герой звезд с неба не хватает, только что окончил институт с красным дипломом и судорожно пытается найти хоть какую-нибудь работу по полученной специальности – журналистика. Модная профессия, скажете вы. Правильно, но наш герой чуть ли не единственный на всем курсе прилежно учился гуманитарным наукам, пока его «золо-

тые» друзья тусовались в клубах, к которым он и подойти-то боялся. Всю свою жизнь он прожил вместе с родителями в ветшающей пятиэтажке в одном из спальных районов Москвы – Дальних Лихобозах. И в отличие от большинства своих сокурсников, давно работающих в ведущих печатных изданиях, ему не удалось устроиться даже в стенгазету – сказались отсутствие умения идти по головам и способности пролезть в любую щель. Кроме того, наш герой патологически честен, трудолюбив, склонен анализировать свои действия. В общем, по меркам современного общества он классический отличник-неудачник: на дискотеки не ходит; не знает, что такое кокс; даже девушки у него нет. Но что это мы все за него говорим.

– Поменяй ты, наконец, эту чертову мелодию на будильнике! Она мне скоро снится начнет!

– Ну, мааам, это же «The Teachers»! Ты просто ничего не понимаешь в рок-музыке! Послушай, как прекрасно переплетается вокальная партия с гитарными волнами!

– Больше похоже на чтение каких-то мантр, причем сектантских!

– А Олег считает, что у «Teachers» большое будущее и со временем они станут самой успешной рок-группой в истории. Лучше не портить мне настроение перед собеседованием, ведь если дело выгорит – буду получать двадцать пять тысяч ежемесячно!

Лицо мамы приобрело задумчивый вид.

– Ох, сынок, ну и профессию же ты выбрал... Послушал бы нас с отцом, пошел бы в юристы...

– Я уже много раз слышал, что пора самому зарабатывать на кусок хлеба!

– Хлеба с маслом! – на кухню зашел отец с утренней газетой. – Расстраиваешь ты нас сынок, ох, как расстраиваешь.

Я знал, чем закончится этот разговор. Если моих старичков вовремя не остановить, причитать и рассуждать в солагательном наклонении они будут весь день. Я бы назвал их «советской» парой, среднестатистической ячейкой общества: отец всю жизнь проработал на заводе, мать в школе, обоим перевалило за пятьдесят. Но это не главное. Мои родители, как бы это поточнее сказать, правильные. Правильные в хорошем смысле. Не спеша двигаясь по стандартной жизненной линии, они почти преодолели все ключевые этапы: рождение, окончание школы, поступление и успешное окончание института, устройство на работу, женитьба, рождение и **воспитание детей**, выход на пенсию, воспитание внуков, смерть. Этап «**воспитание детей**» (то есть меня) выделен, потому что на нем возникли проблемы. Все бы ничего, но слишком уж я попался своенравный. С одной стороны, меня можно было назвать примерным и даже образцовым ребенком, я честно выполнял все наказания и жил по советам, полученным от взрослых и из серьезных книг. Но с другой – мне всегда хотелось чего-то большего, необычного что ли, поэтому я и связался с журналистикой, будь она

неладна. Памятуя о том, с какими боями я все же смог убедить родителей, что поступать я должен именно на эту специальность, сейчас, по окончании института, я просто обязан был найти работу! Какую угодно, лишь бы связанную с тем, что я изучал последние пять лет. И в отличие от папы с мамой, уверенности в положительном исходе кампании по трудоустройству я не терял, более того, в последнее время появились поводы для сдержанного оптимизма – на текущую неделю запланировано аж три собеседования!

Свои силы предстояло попробовать в рекламном агентстве, муниципальной газете и некоем креативном бюро. Сделав все возможное, чтобы выглядеть представительно, я с удивлением обнаружил в зеркале побитого жизнью и заметно уставшего от крутых поворотов молодого человека. Старый пиджак, в котором еще отец ухаживал за мамой, чехословацкие (такой страны уже нет!) брюки, привезенные дядей из командировки, замшевые, выдавшие виды ботинки. И взгляд, с которым надо было что-то делать, – отчаявшийся и безрадостный. Я походил на Боба Дилана, если вы знакомы с его творчеством. Ну а чему было радоваться? Жил небогато в тесной квартирке на окраине города. Моя комната напоминала помещение архива: на рабочем столе аккуратной стопкой сложены тетради с лекциями; старый шкаф, прикрывающий стену, уставлен произведениями классиков; везде полный порядок. Идеально застланная постель, выцветший индийский ковер на полу, слабенький компьютер и дартс на

двери. Хозяева таких убежищ не вызывают уважения или симпатии у работодателя, их берут от безысходности и со-страдания.

– Оплати квитанции и положи денег на телефон нам с матерью и себе, – прервал мои размышления отец, протягивая наличность, – а на следующей неделе надо будет раскошелиться на кабельное ТВ! Пора бы и тебе сынок вставать на ноги и начинать помогать нам.

Слова отца сильно ранили меня, я понимал, что в какой-то степени становлюсь родителям в тягость. Они все-речь рассчитывали, что после стольких лет отличной учебы их сын из ботаника превратится в респектабельного бизнесмена, который легко воплотит в жизнь мечты членов своей семьи. Тем более что мечты эти не были запредельными: мама хотела норковую шубу, а папа и того меньше – сходить в Англии на футбол. Однако процесс превращения в успешного человека затягивался, я не мог позволить себе даже футболки, а возможность понаблюдать за кудесниками кожаного мяча была разве что во дворе. Такое положение вещей нужно было срочно менять. Спускаясь по лестнице, я думал о том дне, когда у меня будет автомобиль, хороший костюм и, может быть, даже любимая, а главное, любящая девушка. Если вы знакомы с нейролингвистическим программированием, то знаете, что для достижения успеха рекомендуется представлять конечный результат – визуализировать желаемое. Смешно конечно представлять спортив-

ный автомобиль в каменных джунглях Дальних Лихобоз. В справочниках мой район фигурирует как спальный, но я считаю его очень оживленным. Да, здесь нет метро, гипермаркетов и развлекательных центров, зато есть жизнь – настоящая, без купюр и прикрас. И это мое убеждение было тотчас подтверждено. Проходя мимо трамвайной остановки, я заметил трех здоровых кондукторов, бивших ногами подвыпившего мужичка-зайца, видимо решившего заартачиться. В центре такого не увидишь!

Положить денег на телефон удобней всего в соседнем магазине – там поставили новый автомат «Авокадо», принимающий платежи. Быстро сунув сто рублей в купюроприемник и приготовившись бежать на собеседование, я увидел на экране сообщение, сильно меня озадачившее. «Уважаемый клиент, вам предлагается сыграть в красное или черное на внесенную сумму. В случае выигрыша она удвоится, и вам на счет поступит двести рублей. Вы можете отказаться, выбрав соответствующий пункт меню, но вчера пенсионерка из Москвы Вера Ильинична подняла полторы тысячи рублей со ста. Мы уверены, сегодня повезет именно вам». Машинально потянувшись к кнопке «отказаться», я вдруг подумал, а почему бы разок не сыграть? Подумаешь, проиграю сто рублей, зато выиграть-то могу двести! Пересилил себя и выбрал черное. «Поздравляем, вы выиграли! У вас на счету двести рублей». Обрадовавшись, что хоть раз в жизни повезло, и собираясь убежать, прочитал следующее: «Играть нужно пока

везет, не упустите свой шанс, и вам на счет будет переведено четыреста рублей». Других дураков поищите, а я меру знаю! Хотя с другой стороны... Вновь выбрав черное, не верю своим глазам: «Поздравляем, вы снова выиграли! У вас на счету четыреста рублей. Но только слабые останавливаются на полпути. Сыграйте еще, и восемьсот рублей ваши!» Восемьсот рублей на телефоне! Таких денег не помню со времен повышенной стипендии! Немного вспотев, ставлю на красное. О, чудо! «Вы победили, у вас на счету восемьсот рублей. Вам остается последний шаг, повторите успех Веры Ильиничны из Москвы и выиграйте полторы тысячи рублей. Желаем удачи!» Дрожащей рукой снова ставлю на черное, хотя все существо подсказывает, что вот тут-то и надо остановиться. Так и есть. «Не расстраивайтесь, пусть сегодня вам не повезло, но вы всегда сможете отыгратья в следующий раз. Ждем вас с деньгами у наших автоматов «Авокадо». У вас на счету по-прежнему ноль. С уважением, председатель Общества обманутых вкладчиков Юлий Павриди».

Наш герой не знал, что идея совместить игровые автоматы, которые правительство всеми силами пыталось запретить, с аппаратами оплаты услуг связи пришла в голову одному из вновь принятых членов партии «Аскеты России», председателю Общества обманутых вкладчиков Юлию Павриди. Новация (ставшую модной, но ничего не означающую приставку «ин» мы в хорошем смысле опустим) была направлена на пополнение средств партийной кассы. Новая

программа «Лох платит всегда» приносила аскетской казне около ста тысяч рублей ежемесячно.

Остановимся подробнее на деятельности Юлия и его Общества. Ни для кого не секрет, какое огромное число наших сограждан пострадало от финансовых пирамид, предлагавших разбогатеть на дармовщинку. Оно и понятно – при социализме обогатиться было нельзя, даже если все силы отдать на построение светлого, но, как выяснилось, не своего будущего. А с приходом демократии подобного рода аферисты появлялись, как грибы после дождя. Новая экономическая модель предполагала, что хороший заработок и тяжелый труд – вещи взаимоисключающие, а свои сбережения лучше отдавать компетентным специалистам в области финансов. После чего, не напрягаясь, пожинать заслуженные плоды. Конечно, это пришлось населению сильно по вкусу. Итогом развернувшейся кампании стал вылет миллионов рублей в трубу, направленную в строго определенном направлении, и появление в стране особой категории граждан – обманутых вкладчиков, которые не перестают судиться, ходить по телевизионным передачам, причитать, угрожать, но не теряют надежду вернуть потерянные денежки.

Общество обманутых вкладчиков как раз и было создано, чтобы помочь этим несчастным. Председатель Юлий Павриди – серьезный специалист в вопросах обмана, в свое время еле унесший ноги. Деятельность его организации заключалась примерно в следующем. Ясно, что вернуть такие

огромные деньги за короткий срок невозможно. Поэтому, пока Общество титаническими усилиями возвращает исчезнувшие миллионы, обманутые вкладчики снабжаются акциями с портретом Павриди на потерянную сумму. Сразу после обнаружения средств акции можно будет обменять на живые купюры. Но поскольку поступлений ожидается невероятное количество, приобрести акции Общества на свои деньги может любой желающий, чтобы потом получать миллионы с хорошими процентами. Гарантом выступит партия аскетов. Но мы отвлеклись.

Креативное бюро представляло собой комнатуху в обветшавшем подвальчике. На двери был приклеен лист А4 с не самым креативным названием «Креативное бюро: Bureau». В фойе, а точнее в некоем предбаннике, столпилось с десятков таких же обиженных жизнью бедолаг, как и я. На их лицах ясно читалось, что работать они готовы где и за сколько угодно, лишь бы взяли. Я приготовился ждать, но к моему удивлению собеседования длились не более пяти минут, а все покидавшие офис буквально светились от счастья. Это несколько настораживало.

– О'кей, как вас зовут, дружище? – приветливо улыбнулся менеджер бюро.

Мужчина средних лет выглядел хорошо и даже дорого, что как-то не вязалось с запустением подвальной конторы.

– Я указал все данные в анкете.

– Верно, верно. Просто времена сейчас такие, многие не

пишут правды. На сайтах знакомств себя же можно назвать как угодно. Что-то подобное и с резюме. Кто будет смотреть анкету Олеси, если рядом Джессика? Да и вообще я предпочитаю не углубляться в эти бумажно-табличные пещеры, в них можно так и остаться. Я ратую за живое общение. На какой уровень заработка вы рассчитываете?

– А что будет входить в мои обязанности?

В объявлении, на которое я наткнулся в Интернете, ничего про конкретный вид деятельности креативщиков, их зарплату и график сказано не было.

– Кофе не держим – вредно для здоровья, чай тоже не предлагаю. Мы же не парочка студентов, чтобы чаи гонять?

– Так что мне нужно будет делать?

– Мы можем предложить вам заработок до восьмидесяти тысяч ежемесячно. – Менеджер встал из-за стола и начал прогуливаться по комнате. – Уровень дохода зависит от вашего старания. Сразу предупрежу, поначалу будет непросто, но вы, как я вижу, не из робкого десятка, так?

– Прошу меня простить, но что именно будет входить в мои обязанности, если я буду работать у вас?

– Как я люблю настойчивых! – Работодатель замахал руками. – Нет, даже не настойчивых, а упертых, упрямых. Пожалуй, вы приняты!

Эта фраза, а вы представляете, как долго я ждал ее, ослепила меня. Наконец-то что-то начинает получаться! Но пока все еще не верилось такому счастью.

– Эмм, вы имеете в виду, что берете меня на работу?

– Совершенно верно, молодой человек! Поздравляю!

– Ух, так неожиданно!

– Еще вчера я предложил совету директоров компании рассмотреть вашу кандидатуру, и лично генеральный директор утвердил ее. Да, искать в грязи бриллиантовые песчинки – это часть моей непростой работы, – менеджер засмеялся, – приступить можете, как только уладим формальности и придут деньги.

– Какие деньги? – Улыбка не сходила с моего лица.

– Расходы на рекламу, вы же понимаете, уважаемая фирма нашего уровня должна быть полностью уверена в своих новобранцах! Тем более что речь идет о пустяковой сумме в пять тысяч рублей. Разумеется, эти деньги будут плюсованы к вашей первой зарплате.

– Уф, а что значит на рекламные расходы? Просто мне нужно будет объяснить родителям, у меня самого, к сожалению, такой суммы нет...

– Ну, если вы не в состоянии ее покрыть, боюсь, мне придется пойти на сделку с совестью и взять кого-то другого. А делать этого не хочется, ты мне приглянулся и вполне возможно далеко пойдешь. Но есть такое понятие, как правила игры, они одинаковы для всех. Не в моих силах менять или нарушать их. – Креативщик расстроено упал в свое кожаное кресло.

– Подождите, – я поспешил успокоить работодателя, – мо-

жет быть, мне удастся что-то придумать. Когда нужно перевести деньги?

– В течение трех дней, – мужчина просиял, – вот моя визитка, на ней расчетный счет. Как только финансы поступят, и мы поймем, что тебе можно доверять, в тот же день представляйся перед друзьями – ты получил престижную работу!

– Класс, а что делать-то нужно будет?

– Разве так важны детали? Талантливый человек талантлив во всем, слышал такую тему? Я уже вижу тебя в таком же кресле. – Он похлопал ладонью по кожаной обивке. – Почему бы и нет? Кстати, у тебя есть сигаретка, а то я свои в машине оставил?

Столкнувшись с этим креативщиком гораздо позже, я узнал, что номер счета, который он мне всучил, совпадал с тем, на который должна была перевести деньги певица Виктория. Только в отличие от нее я этого так и не сделал.

Глава V

Лотомат

*Страну продали за копейки.... Без нас.
Владимир Ильич Членин, распорядитель клуба
«Narkotiku»*

Для сокращения расходов редакция районной газеты «Наши Лихобозы» переехала в подлежащий сносу, полуразвалившийся дом, жителей которого давно расселили по новостройкам. У входа кто-то из местных со спущенными штанами чинно справлял нужду, весело насвистывая «У Курского вокзала стою я молодой». «Туалет-то у нас не работает», – виновато улыбнувшись на мой укоризненный взгляд, пояснил гражданин, направляясь в здание. Тут до меня дошло, что, по-видимому, это сотрудник редакции. Проследовав за ним, я оказался на третьем этаже, где через некоторое время отыскал закуток, который занимал главный редактор – лысоватый мужчина лет сорока.

– Студент-практикант? К нам, что ль? На работу? И небось, как и все с пустыми руками?

Такое начало поставило меня в тупик. Я решительно не знал, как реагировать.

– А вообще не дурно, если бы кандидаты приходили на собеседование с чаем и конфетами, но лучше, конечно, с чем

покрепче! Мы же всегда так делаем, когда хотим понравиться девушке, а уж если рассчитываем на что-то большее, без коньячку никуда. – Он подмигнул.

Пока я обдумывал ответ, редактор пересек комнату и командовал куда-то вдаль: «Бегом на летучку!» Я догадался, что таким образом он собирает сотрудников на рабочее совещание, так сказать, планерку. И действительно в скором времени пространство заполнилось людьми с одной общей чертой – у них не было глаз. На меня смотрели какие-то стекляшки. Вы видели фильмы о зомби?

– Все в сборе? Быстро, быстро, быстро! – Редактор захлопал в ладоши.

Газетчики полезли в карманы, извлекая из кошельков, бумажников и портмоне по двадцать пять рублей. Общий котел отсутствовал, поэтому деньги ложились прямо на стол начальника. Коллектив был небольшим, сумма набралась скромная.

– На две хватит! – радостно выпалил босс, скрупулезно пересчитав банкноты. – Вот ты на летучку и побежишь!

– А собеседование? – Я по-прежнему плохо понимал, что происходит.

– Оно уже началось, – вступил в разговор один из стеклоглазых. – И чем быстрее ты прибежишь, тем скорее его пройдешь.

– Ага, понял, – Взяв деньги и решительно направившись к выходу, я остановился у двери. – А что брать-то?

– Как что?! – недоумению редактора не было предела. – Ее родимую! – Он смотрел он на меня как на новорожденного. – Водочку «Вкусную» и литр «Запивки».

«Запивка» – самый дешевый фруктовый сок, назначение которого ясно из названия. Им удобно запивать крепкие напитки, а цена быстро сделала его любимым продуктом всех алкоголиков.

– Ты теряешь время. – Взгляд редактора приобрел серьезность.

Бежать пришлось в местный лихобозовский гастроном с многозначительным названием «Магазин». По дороге я поймал себя на мысли, что никогда в жизни не покупал водку. Как-то не приходилось, спиртное я употребляю редко и в основном пиво. Презрительно-равнодушный взгляд продавщицы винного отдела упрекал: «Молодой, а уже берешь горькую с утра во вторник?» Расплатившись и взяв «груз», я с удивлением обнаружил, что в столь ранний час за мной образовалась приличная очередь. Спившийся интеллигент, бродяга-попрошайка, слесарь и... дядя Миша – мой сосед по лестничной клетке! «Прям с утра «Трудового» захотелось», – сообщил он. Очередь понимающе закивала – бутылочкой «Трудового» с утра никто не попрекнет.

С Дядей Мишей знаком лет десять, но до сих пор не представляю ни его возраст, ни род занятий, а спрашивать все как-то неудобно. Вроде бы он на пенсии. Одевается в один и тот же потрепанный костюмчик и походит на обычного вы-

пивоху. Но не все так просто. Проницательному человеку в его взгляде откроется глубокое понимание действительности и полное отсутствие страстей, свойственное философам. Картину, правда, несколько портит (или дополняет) неизменная бутылочка пива «Пролетарское», без которой я его почти никогда не видел.

Суть соседской философии можно понять из немногословных диалогов, происходивших каждое утро, когда я, спеша в институт, встречал его на лавочке около дома в обнимку с «Пролетарским».

– Как дела, дядь Миш?

– Пока бутылка в руке, какие могут быть дела? Вот если ее нет, тогда уже думай, как ее достать.

– Дядь Миш, новости смотрели? Местных чиновников опять в бане со шлюхами застукали!

– Все пустое, – спокойно отвечал дядя Миша, показывая на только что допитое «Пролетарское».

А один раз он выдал интересный монолог, который я, не обладая в то время профессиональной журналисткой привычкой все записывать, не зафиксировал. Так что передаю, как помню. Речь зашла о пиве.

Пиво появилось много тысяч лет назад на восходе цивилизации и, хотя и представляется непосвященным обычным алкогольным напитком, на самом деле является разумной субстанцией, готовой к симбиозу с человеком. Оно проводник высших смыслов и абсолютная квинтэссенция бытия,

альфа и омега, инь и ян, начало и конец всего. Истина открывается только через пиво, но очень немногие на протяжении всей истории дошли до этого. Человек в жизни пребывает в двух состояниях: когда у него есть пиво и когда он пива лишен. Первое состояние устойчиво, в нем обретается самодостаточность, спокойствие и счастье. Второе неустойчиво, единственная цель в нем – любыми средствами перейти в первое.

С начала времен люди испытывают какой-то дискомфорт, мучаются, чего-то ищут: власти, денег, славы, пресловутого высшего смысла. Но еще ни один человек не преуспел на этом пути, то есть не стал навсегда и бесповоротно счастлив. А все потому, что никто не был готов принять единственно правильную жизненную философию – философию пива. Если бы люди открыли свои сердца пиву, человечество обрело бы, наконец, абсолютное счастье. Не было бы войн, болезней и страданий. Единственная цель властей состояла бы в обеспечении населения пивом. Высшая добродетель – поделиться пивом с ближним, а добывать священный напиток нечестным путем недостойно. Это и есть форма совершенного государства. А всякие там коммунизмы, капитализмы и демократии – от лукавого это все. Пиво гораздо выше этих, хм..., понятий.

Тогда у меня надолго отвисла челюсть. До этого разговора я считал соседа недалеким пивным алкоголиком, хотя он и вызывал у меня сочувствие, казался добрым и отзывчивым.

Но с тех пор я его зауважал и стал считать философом, правда, не могу сказать, что подобную философию разделяю – сам-то почти не пью.

В редакции «Лихобоз» я отсутствовал не более пятнадцати минут, но назвать прием теплым было нельзя.

– Тебя только за смертью посылать! – завопил редактор. – Ты о людях подумал? Ждут же!

Шефа поддержали подчиненные:

– Да! У меня вот речевые обороты не берутся, а статью на весь подвал забацать надо!

– И у меня тоже не взялось!

– Вот видишь, что ты творишь, – редактор покачал головой, – ладно, давай допинг сюда!

Я выставил на стол две бутылки «Вкусной» и литр «Запивки». Поляна к тому моменту была накрыта: по соседству с немногочисленными папками и бумагами ждали своей участи бутерброд с колбасой, порезанный на нужное число кусочков (меня не учли), и такое же количество пластиковых стаканчиков. Заветный эликсир был разлит по ним с космической скоростью, и не успел я оглянуться, как редактор поднял свой фужер со словами: «За творчество!» Коллектив дружно прокричал «Ура!», и огненная вода разлилась по организмам пиущей братии. Только когда труженики пера начали расходиться по рабочим местам, умиротворенный редактор указал мне перстом на дверь – зайди, мол, завтра, дам тебе еще один шанс, хотя человек ты, похоже, не твор-

ческий.

Но возвращаться в творческую обстановку желания не возникало. Оставался последний шанс – рекламное агентство. Там-то должен витать незримый дух рождения шедевров. Я представлял, как войду в красивое здание, меня встретит девушка модельной внешности, которая томным голосом попросит немного подождать. Я сяду на кожаный диван, рядом будут валяться свежие выпуски модных журналов. Несколько минут хватит, чтобы пробежаться по их заголовкам. Девушка принесет мне ароматный кофе и пригласит на собеседование. Мы мило пообщаемся с HR-менеджером, который непременно отметит мой красный диплом. От этих мыслей я невольно заулыбался. Говорят, приятен не столько конечный результат, сколько сам процесс.

Однако моим мечтаниям не суждено было претвориться в жизнь. Общение с потенциальным работодателем проходило в парке. Дама постбальзаковского возраста с полурастаявшим мороженым, видимо любящая (нет, не мать) хорошо покушать, встретила меня с улыбкой, так и не встав со скамейки, что было вполне допустимо. Ее одежды напоминали простыни, в которые заворачивались римские трибуны, а пышный растрепанный парик смотрелся довольно вульгарно. Прочитав мои мысли, рекламщица выпалила прокуренным голосом: «Надо же из толпы выделяться! Такие, брат, времена! Это раньше всех под одну гребенку чесали, а теперь в свободной стране живем. Вот и обособляемся как можем,

не хочется серой массой быть». Она кивнула в сторону проходящей парочки белых воротничков, ищущих, где бы отведать бизнес-ланч. Я устроился на скамейке и подумал, возможно, меня проверяют на стрессоустойчивость. Мама рассказывала, что сейчас на Западе модно проводить так называемые агрессивные собеседования, на которых кандидата подвергают ощутимым психологическим нагрузкам: кричат, задают неудобные вопросы, ставят в неловкие ситуации. Пожалуй, происходящее со мной можно было охарактеризовать подобным образом. Я был готов ко всему... Кроме того что это не агрессивное, а самое обычное собеседование.

– У нас, по правде говоря, офиса нет. Да и зачем нужны все эти пыльные столы, стулья и другая многофункциональная рухлядь? А эти однообразные помещения, разделенные перегородками? Как могут в них рождаться шедевры? Не для того жил Диоген, чтобы мы гнили в комфортабельных каменных бараках!

Речь женщины меня впечатлила. Действительно, история знает случаи создания гениальных произведений в самых обычных и даже спартанских условиях. Но, несмотря на красноречие собеседницы, я все-таки пытался возразить:

– А в дождь мы тоже тут встречаться будем?

– Конечно! Дождь – это так романтично! Еще Демосфен говорил: небесная вода – источник жизни. К нему и припадем!

Мороженое из рук дамы упало прямо на простыню. Не

поведя глазом, она принялась слизывать подтаявший пломбир. Я с трудом выдержал подобное зрелище, и, честно говоря, мне как раз, наоборот, хотелось в душные офисы и серые будни. Может, я отстал от жизни? Не отрываясь от своего основного занятия, рекламщица спросила:

– Деньги есть? В моем агентстве испытательный срок оплачивает сам кандидат.

– Нет, денег у меня нет. – Эта фраза заставила мою собеседницу приостановить процесс слизывания.

– Что, совсем?

– Совсем, я только на проезд взял.

– Вот люди наглые пошли, – она смотрела на меня, как фашист на пленного, – и не стыдно, а? Еще на собеседования ходит. Да чтобы прикоснуться к волшебству создания рекламы, знаешь какие бабки отваливают?

– Простите, а каково портфолио вашего агентства?

– Мм, это почтовый индекс что ли?

– Не совсем, я имею в виду, какими своими работами вы можете похвастать?

– Из громких проектов выделю туалетную бумагу «Нежность» и презервативы «Комплимент», слышал о таких?

– Эм, вроде нет.

– Естественно, мал еще. – Ее оценивающий во всех смыслах взгляд пробежался по мне.

Разговор был окончен. По дороге домой меня одолевали тяжкие думы, может, родители правы, пора завязывать

с журналистикой и перепрофилироваться в страховые агенты? Тем более что рекламные объявления так и пестрели заманчивыми предложениями типа «Зарплата от тридцати тысяч!», «Карьерный рост!», «Дружный коллектив молодых специалистов!» Было над чем задуматься.

– Чай будешь? – Отец сверлил меня глазами прямо с порога, пытаюсь понять, удалось ли мне найти работу.

– Можешь ничего не говорить, на лице все написано. Опять не сложилось, да?

– Пап, я стараюсь, ты же видишь. Пока не получается...

– Твои старания не приносят результатов, и знаешь почему?

– Ну?

– Да потому что усилия прилагаются не в том направлении. Вот Олег, твой друг, смог же найти себя! Не жалуется, не ноет! Как и ты, в массмедиа подался! Кто он там? Музыкальный критик? Почему, кстати, он тебя не пристроит?

– Я не хочу быть никому обязанным! Я сам кое-чего стою!

– И чего же?

Вопрос отца снова наталкивал на грустные размышления. Чего я смог добиться к двадцати двум годам? Почти ничего... Одна бравада и обещания самому себе.

– В общем так, – голос папы стал серьезным, – идешь ко мне на завод! Все, баста! Не для того мы тебя с матерью воспитывали, чтобы ты не мог и рубля заработать. Свои пятнадцать тысяч получать будешь. На первое время и такой до-

ход подойдет. Все лучше, чем ничего!

– Ну, пааап!

– Ничего не хочу больше слышать!

– Дай хоть один шанс!

– Я уже потолковал кое с кем из пятого цеха, сходишь к ним в пятницу. Если все сложится удачно, в понедельник выйдешь на работу.

– А если до пятницы я что-нибудь найду?

Папа снисходительно посмотрел на меня и улыбнулся.

Глава VI

Божье Провидение

Наше дело будет жить вечно, даже если кому-то придется погибнуть ради этого. Боюсь, что кому-то из вас...

Клим Моржовый на встрече с руководством Североатлантического Альянса

Следующий непогожий и казавшийся самым обычным летний денек принес в мою жизнь кардинальные изменения. До разговора с отцом я, как и многие, просто плыл по течению, вперед сильно не заглядывая. Да и страшновато было заглядывать. Пока учился, был четкий распорядок, свои задачи и пути их решения. Известные пути. А вот дальше... Надо искать работу, обустриваться в жизни, создавать семью, помогать родителям. Мой отец однажды отправился на встречу с однокашниками – отметить тридцатилетний юбилей выпуска. Вернувшись домой, он долго пребывал в замешательстве: оказалось, положения в обществе добились исключительно бывшие троечники и двоечники. А те, кто вместе с ним прилежно учился, влачили жалкое существование. Позже я понял, что ничего удивительного в этом нет. Кесарю – кесарево. Исходя из этой теории, я преуспевающим стать не должен.

Положа руку на сердце, я догадывался, что работодате-

ли не будут встречать меня с распростертыми объятиями. Но и полного фиаско в трудоустройстве тоже не предполагал. Тем временем все мои однокурсники разбежались по редакциям и издательствам. Причем чем хуже человек учился, тем лучше местечко ему доставалось. Такая вот прямо пропорциональная зависимость, хотя скорее, наоборот пропорциональная. Тогда я еще удивлялся и негодовал: «Как же так? Я старался, учился, сдавал, а на работу берут бездарей и растяп?» Прогульщики стали спецкорреспондентами, неучи выбились в ведущие рубрик, а самые отъявленные тупицы вообще устроились редакторами! Да, именно так и должно быть. Если вы не согласны, можете поспорить, но увидите, у вас ничего не получится. За годы обучения лентяи приобретают самые необходимые в жизни навыки: умение льстить, предлагать взятки, сдавать экзамены без знаний. А ботаники и отличники вроде меня просто учат все, что им задают, то есть идут по пути наименьшего сопротивления. Разница в поведении и мышлении проявляется при устройстве на работу. Какому кандидату отдаст предпочтение работодатель: уверенному, следящему за своим внешним видом, улыбчивому и раскованному или застенчивому, скромно одетому и не умеющему себя преподнести? Комментарии излишни... Никаких парадоксов здесь нет, со временем зубрилы оказываются в подчинении у тех, кому давали списывать. Эту и многие другие прописные (но так никем и не записанные) истины мне только предстояло принять и освоить.

Заварив кофе покрепче, я приготовился провести последний день на просторах глобальной паутины в поисках работы. Соответствующий сайт еще не успел открыться, а полмонитора уже заняло необычное предложение «перестать быть лохом». Заинтересовавшись, я сразу перешел по ссылке. Открывшийся портал представлял посетителям новинку в области получения удовольствий – цифровые наркотики. Оказывается, теперь для получения «прихода» нет нужды тыкать в себя иглами, рискуя подхватить опасную болезнь, достаточно просто послушать специальную музыку, амплитудно-частотные характеристики которой способствуют завороту кишок мозга. Проще говоря, внимаешь звукам – тебя «плющит», никаких следов в крови при этом, понятное дело, не остается. Ресурс, посвященный модной новации (снова без приставки «ин»), был выполнен в радужных тонах; постоянно меняющий форму, сопровождающийся стробоскопическим эффектом текст на главной странице гласил: «Забалдей прямо сейчас! Лови кайф не вставая из-за стола! Цифровая дурь – глоток воздуха ХХII века!»

Можно даже выбрать, какой именно «приход» ощущать. Среди наиболее популярных: расслабление, возбуждение, забытие и эйфория. Стоимость получения одного аудиофайла – семь долларов США, оплата по смс. Мелким шрифтом отмечалось, что правило бесплатной первой дозы изжило себя вместе с таблетками и порошками. Ничего не поделаешь, средств на моем счету как раз хватало, чтобы расслабиться.

А то от бешеной гонки последних недель я чувствовал себя осликом, который все время тянется за бесконечно близкой морковкой. И вообще, в жизни надо испытать все! Поколебавшись пару минут, я потянулся за мобильным. Ответ пришел моментально: «Здравствуйте, уважаемый цифровой наркоман! Ваш код для получения дозы – 345 998 358». Стоило ввести волшебные цифры, сразу появилась ссылка на музыкальный трек (назвать его песней язык не поворачивался), но скорость скачки благодаря моему допотопному модему оставляла желать лучшего. От нетерпения я готов был лезть на стену, ждать оставалось аж двадцать три минуты!

Просмотрев пока сомнительные объявления работодателей, я одел наушники и с лихорадочным, почти наркоманским волнением включил запись. К моему разочарованию, после небольшого хрипа зазвучала отнюдь не синтетическая смесь энергичных сэмплов и вводящих в транс битов, а песенка середины девяностых – Shut up! (and sleep with me). Господи, я помню ее по дискотекам в пионерских лагерях! Без паники, возможно, в этой обычной с виду песне содержатся специальные звуки на ультравысоких частотах, недоступные человеческому восприятию. Черта с два! После десяти прослушиваний давно забытого хита со мной ровным счетом ничего не произошло. Обещанные расслабление и эйфория так и не наступили. Опять развели... Единственное, я так и не понял, зачем в архив с треком поместили фотографию маргинального мужика в коричневом пальто и

стоящей торчком черной шапке. «Клим Моржовый знает, где Россия». Этот самый Клим в одной руке держал бутылку «Пролетарского», а второй приветливо махал. Глупость какая-то. Постараюсь забыть об этом мини-фиаско и продолжу поиски возможностей для трудоустройства.

На странице поиска вакансий «Джобтвоюмать. ру» мое внимание привлекло свежее объявление. Информации было немного. Молодой газете, представлявшей интересы неизвестной партии или общественного движения, требовались корреспонденты, были указаны адрес и контактный телефон. Минус очевиден – плясать, то есть писать, придется под чью-то дудку. Зато сильно повышаются шансы, так как издание только появилось на свет. Ехать в редакцию решил без звонка. Во-первых, времени до пятницы почти не оставалось, а во-вторых, телефонные переговоры мне никогда не удавались, я уже стал думать, что звонить работодателю плохая примета. Запасшись дипломом и грамотами за места в каких-то седых конкурсах, я отправился в путь. По указанному адресу, как всегда, никого не оказалось, но, наученный горьким опытом, я все же поднялся на четвертый этаж заброшенного здания, где должен был располагаться офис газетенки. Признаков жизни обнаружить не удалось, если не считать прикрепленной к двери записки, в которой лаконично сообщалось, что редакция переехала. Новый адрес предлагалось выяснить по указанному телефону. Трубку снял автоответчик, и после нескольких минут ожидания, не выдер-

жав, я сам прекратил так и не начавшуюся беседу. Позже выяснилось, что с моего нулевого счета списали кругленькую сумму.

Отчаявшись и не подозревая, что в эти минуты вершится моя судьба, я смирился с будущей участью заводского рабочего. Тут к пустующему помещению подбежал запыхавшийся африканец лет тридцати, одетый в светлые шорты, зеленую футболку с надписью «Коровам – Маслоу!», обутый в изношенные шлепанцы. Бросив на меня оценивающий взгляд и не достаивая более знаками внимания, он начал приписывать к объявлению новые телефонные номера. Закончив, африканец улыбнулся своей голливудской или скорее акульей улыбкой.

– Подрабатываем, время такое, чуви! – прервал он неловкое молчание. – Лохов много работу ищет – с них капусту стрижем.

Незнакомец явно пребывал в хорошем настроении и с удовольствием ответил, зачем нужны дополнительные телефоны: «Если по одному не отвечают, жертва звонит по другому, по третьему, так можно неплохо денег поднять!»

Темнокожий предприниматель очень спешил, ему нужно было оббежать еще семь подобных точек. Хорошая новость заключалась в том, что газета действительно существовала, в ней подрабатывали студенты Международного университета, а деловитый африканец, по его словам, занимал самую высокую должность. Окинув меня строгим взором, он за-

явил, что собеседование я прошел, однако вопросы и восклицания слушать не стал.

– Ужасно спешу. Приходи завтра в редакцию, комната триста одиннадцать, там поговорим. Я убит водила.

– Что-что? Кто убит? Какой водила?

– Я говорю, зовут меня Убид, Убид Вмдила.

Тут его и след простыл. Хорошо хоть денег на рекламу не просят...

Следующим утром я направился в новую штаб-квартиру переехавшей редакции – общежитие Международного университета. На третьем этаже, где по логике должна быть комната триста одиннадцать, красовалась табличка, предупреждающая, что белым вход в местное гетто строго запрещен. Я принял это за чью-то невинную шутку, а зря: около триста седьмой комнаты мне предложили купить наркотики, а у триста девятой отняли часы и деньги. От дальнейших злоключений меня оградил вовремя появившийся Убид, который дал знак местным кидалам не распускать руки. Два африканских амбала тут же вытянулись по стойке смирно и отдали главному редактору мои вещи.

– Ты, брат, не обессудь, с этими черномазыми ухо остро держать надо. Совсем распоясались, чуть отвернешься, уже работают на чужой территории, – похлопал меня по плечу главред, когда мы оказались в заветной комнате триста одиннадцать.

Меня удивило, что, будучи ярким представителем темно-

кожей расы (простите за каламбур), Убид вел себя как вампир ку-клукс-клана или генерал армии южан времен Гражданской войны в США. То есть постоянно нападал на африканцев. Я решил осмотреться. Вы когда-нибудь бывали в общагах? Не общежитиях, а именно «общагах»? Моему взору предстали разбросанные обертки, встречавшие сиротливым лязгом пустые пивные банки, скрипучая кровать с висящим над ней засаленным постером «The Teachers». Плакату было явно больше трех лет, музыканты выглядели не избалованными славой. Вокалистка Е. Б. кокетливо улыбалась, как улыбаются девушки, намекая, что с ними можно познакомиться.

– Крутые они, да? – Убид, сыпавший в чашку растворимый кофе, уловил ход моих мыслей.

– Их ждет большое будущее!

– Оно уже пришло! «Teachers» добились популярности... Я бы тоже мог звездой стать, – эта фраза была произнесена с еще большим акцентом, чем остальные, – но приходится все силы тратить на... нейтрализацию этих папуасов. – Он сплюнул на пол.

Молча кивая, я продолжал изучать помещение редакции, интерьер дополнял полностью убитый ноутбук, стоящий на столе около кровати. В лучших традициях школьников эта ЭВМ была украшена эротическими вкладышами из жвачек. Убид продолжал: «Нет, ну мы в Москве живем или где? Черт-те что на улицах. В Гане цветных и того меньше. За-

губят так Россию-матушку, ох, загубят. Мы русские – народ дружелюбный, выродки разные этим и пользуются».

Товарищ Вмдила все распространялся о нежной русской душе, но я думал о работе, которой тут не пахло. Зазвучавший вдруг какой-то мощный африканский бит заставил Убида вздрогнуть.

– Возьми трубку. – Он сунул мне телефон. – Это Джонни. Выясни, что там. Если нас закрывают, подмигни. Меня нет в любом случае.

– Аллё, а его нет, вышел. Когда будет? Трудно сказать. Что-нибудь случилось? Хорошо, я передам. Это... Это секретарь...

– Ну что? Все пропало?

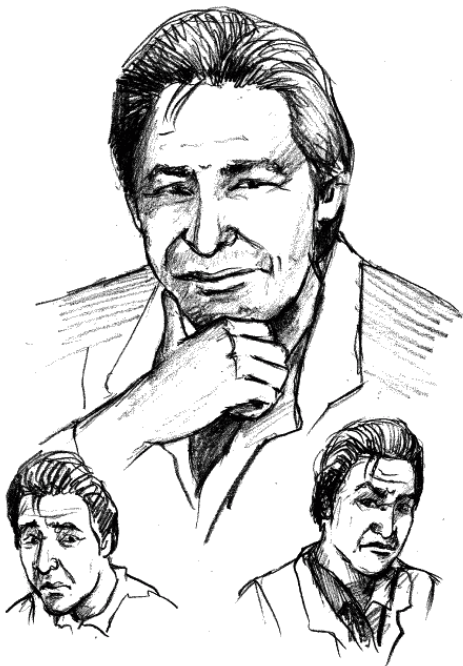
– Да нет. Вас вызывают на совещание к какому-то Микки Гэ'ндону.

– Бить там вроде не должны.

Убид посмотрел на улицу сквозь небольшую щелку в жалюзи и шепотом продолжил:

– Мне надо ненадолго залечь на дно, могут нагряться ФСОшники с обыском. А ты пока съезди на тестовое задание. Оно очень серьезное: необходимо накатать большую статью о трудовом подвиге директора подмосковной маслобазы. Его бескорыстное служение не может оставаться незамеченным... Далее в таком духе. Он член политического бюро нашей партии «Аскеты России». Знакомство с ним может тебе пригодиться.

Эти слова оказались пророческими. Дальнейший разговор меня не интересовал, хотя речь шла о самой газете и том, что испытательный срок не оплачивается. Главное, я получил задание! Вот что меня радовало и волновало. Поблагодарив нового босса за доверие, я направился к выходу. «Эй, часы свои назад не хочешь? Возьму недорого!»

Микки Гэ'ндон

Глава VII

Картины Маслоу

Только Россия! И только вперед!
Убий Вмдила, главный редактор «ОблаЗОПы»

– Отец, я нашел работу! У меня получилось! Я же говорил, ведь так? – моему восхищению собой не было предела.

Изрядно проголодавшись, я лопал приготовленный мамой гороховый суп, как нектар жизни, и, казалось, мог бы съесть целого слона. Усталости не чувствовалось, напротив, мною овладевали самые положительные эмоции. Но папа, медленно и звучно размешивавший сахар, моего энтузиазма явно не разделял.

– Что прикажешь сказать на заводе?

– Ну, что все отменяется. Ложная тревога, они только рады будут, вот увидишь.

– Как у тебя все просто, – отец отложил чайную ложку, – а в глаза сослуживцам потом как смотреть? Я бегал, хлопотал по твоему вопросу, и ложная тревога?

– Понимаешь, – мое настроение начинало портиться, – я считаю, ты должен гордиться мной. Я получил тестовое задание сам. А раз мне его доверили, значит работодатель готов в случае успешного выполнения взять меня на постоянной основе.

– Нехорошо получается, сын. Не по-людски. И потом, посуди сам, завод – организация солидная, не разорится, не обанкротится. Предприятие государственное, заработную плату выплачивают вовремя. Пускай небольшую, но стабильную и, – отец многозначительно поднял указательный палец вверх, – индексируемую с учетом инфляции. А ты рвешься в какую-то сомнительную газетенку. Ну несерьезно это. Что хоть за издание?

Я выдал отцу всю имеющуюся довольно скудную информацию. Официальное название – «ОблаЗОПА» или Областной Зов Партии Аскетов. Учредители планировали выпустить свое детище в столице, но из-за финансовых трудностей зарегистрироваться пришлось в Подмоскovie. Так к звучной и могучей аббревиатуре «ЗОПА» прибавилась провинциальная приставка. Из названия понятно, что газетенка является рупором молодой, набирающей обороты политической партии «Аскеты России».

– «ОблаЗОПА»? Ты с ума сошел! – Глава семейства чуть не поперхнулся. – Это же, наверняка, фирма-однодневка!

– Вот-вот! – на кухню вошла мама. – Аферисты стопроцентные, разденут в два счета. Кстати, – она обратилась к папе, – дай три тысячи из своей заначки, мне пять нужно, а в кошельке только две.

– Зачем столько денег?

– Пришли из клиники унарного фазового похудения, у них оригинальная методика. А мне как раз пару килограмм

мов сбросить бы не мешало!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.